

Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева

В статье рассматривается лингвистическая теория знаменитого философа и филолога, специалиста по античной культуре А.Ф. Лосева. Цель работы – на основе анализа многочисленных статей А.Ф. Лосева по истории и теории классических языков и современного структурализма сформулировать общую теорию языка. Сопоставительный анализ приведенных в статьях языковых фактов и сделанных выводов показал, что в работах Лосева последовательно проводится диалектический подход к языку. Язык рассматривается в контексте взаимного единства статической системы и изменчивой речи.

Ключевые слова: *А.Ф. Лосев; теория языка; структурализм и историзм в языкознании; язык и речь; диалектика языка.*

Oksana A. Voloshina

Dialectics of language in A.F. Losev's linguistic works.

The article deals with the linguistic theory of A.F. Losev – the famous philosopher and philologist, a specialist in ancient culture. The purpose of the work is to formulate a general theory of language based on the analysis of numerous articles by A.F. Losev on the history and theory of classical languages and modern structuralism. A comparative analysis of the language facts and formulated conclusions presented in the articles showed that Losev's works consistently pursue a dialectical approach to language. Language is considered in the context of the mutual unity of the static system and changeable speech.

Key words: *A.F. Losev; the theory of language; structuralism and historism in linguistics; language and speech; dialectics of language.*

Научное наследие Алексея Федоровича Лосева – религиозного мыслителя, философа, филолога, знатока античной культуры и классических языков – обширно и многогранно¹. В предлагаемой работе

ставится задача выявления принципов философии языка, воплощенной в лингвистических работах А.Ф. Лосева².

Торжество структурного метода в первой половине XX в., введение в лингвистику математических приемов формализации описания языка привело, казалось, к непримиримому противоречию между

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания

E-mail: oxanav2005@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

Moscow State Lomonosov University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Волошина О.А. Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 48–54. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-48-54.

исследования культуры и философии античности, а также вскрыл универсальность мифа как базовой формы человеческого сознания.

² К собственно лингвистическим работам, посвященным исследованию языковой структуры, относятся статьи, опубликованные в сборнике под названием «Языковая структура» (1983): «О коммуникативном значении грамматических категорий», «О первичных типах языковой сигнификации», «О понятии языковой валентности», «Семантика языка и его структуральное изучение», «О пределах применимости математических методов в языкознании», «О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структуральной» и др. Именно эти работы и будут предметом анализа в данной статье.

¹ Достаточно упомянуть хотя бы многогранную работу «Очерки античного символизма и мифологии» (1930), знаменитую «Диалектику мифа» (1927), «Философию имени» (1927) и многие другие работы, которыми А.Ф. Лосев заложил целое направление

новой структурной лингвистикой и старым историческим языкознанием, не говоря уже о классической филологии, которая, по мнению многих теоретиков, из-за отсутствия единого научного метода вообще оказалась за рамками строгой научной парадигмы. Действительно, еще компаративисты XIX в. утвердили принцип исторического изучения языков в качестве главенствующего, претендующего не только на описание, но и на объяснение устройства и развития языков, а единственно научной грамматикой была признана грамматика историческая (не случайно итоговый труд одного из ведущих представителей младограмматизма Германа Пауля называется «Принципы истории языка»). На смену господствующему в XIX в. историческому методу пришел структурализм, основатель которого — Фердинанд де Соссюр — четко противопоставил два подхода к изучению языков — структурный (синхрония) и исторический (диахрония), причем настаивал на принципиальной несовместимости этих методов [Соссюр 1977: 112–114]: или исследователь занимается историческим изучением отдельных языковых фактов, тогда, в силу фрагментарности дошедшего до нас материала, исследование неизбежно эклектично, а выявление системного устройства языка невозможно; или ученый анализирует систему языка, строго придерживаясь одного временного периода, сознательно отказываясь от рассмотрения фактов в исторической перспективе. А.Ф. Лосев, однако, пишет об искусственности такого противопоставления, о взаимном дополнении различных методов исследования языка — историческом и структурном, снимая мнимую оппозицию. Он утверждает: «Живительная сила диалектического становления... стирает всякие метафизические грани между структурализмом и историзмом, как равно и между синхроническим и диахроническим методами, сохраняя в то же время и полную возможность отдельного изучения этих элементов, как и вообще непрерывность и прерывность в диалектике являются таким единством, которое оставляет нетронутым состоявшие его противоположности» [Лосев 1983: 124].

Лосев приводит примеры замечательных исследований в области индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, успешно совмещающих синхронический и диахронический подходы. Разбирает

он, в частности, работы Э.А. Макаева³, Б.А. Серебренникова⁴ и других компаративистов, которым структурный подход не только не помешал историческому исследованию родственных языков, но позволил получить новые результаты и сформулировать некоторые положения о структурном тождестве родственных языков.

Математические методы, привнесенные в лингвистику структурализмом, дали языкознанию бесценный опыт попыток формализации системных отношений в языке. Однако А.Ф. Лосев настаивает на том, что использование строгих математических методов мало что дает лингвистике, так как отношения элементов в математике не тождественны отношениям в языке, т.е. языковая структура не математическая, а совершенно особенная. Какая же? Лосев пытается выявить принципы организации и функционирования языковой структуры. В работе «О пределах применимости математических методов в языкознании» ученый пишет: «Математическое обозначение имеет своим предметом те или иные системы бескачественных отношений при условии однородности, неизменности и неподвижности как самих этих отношений, так и составляющих их элементов» [Лосев 1983: 10]. Языковые элементы имеют другую природу, причем для языка эти их особенности являются огромным преимуществом, а не недостатком: «Язык и речь весьма ценны именно своей подвижностью и неоднородностью составляющих их элементов. Но как раз к этой-то вечно изменчивой неоднородности математика и не имеет никакого отношения, и математические обозначения здесь бесполезны» [Там же: 12].

Применение математических методов в лингвистике дает возможность формализовать и обобщить (привести к некоторой формуле) наблюдаемые в языке закономерности. Структурная лингвистика широко применяет различного рода символы, исследователи часто стремятся формализовать свой текст, прибегая к алгебраическим обозначениям. Лосев, однако, предупреждает,

³ Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. — М., 1970; Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. — М.; Л., 1964 и др.

⁴ Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. — М., 1968; Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.

что не всякая формализация полезна, иногда она не задает удобную формулу отношений языковых единиц или процессов, протекающих в языке, а всего лишь дублирует то содержание, которое легко может быть передано и без специальных технических обозначений. Искусственно вводимая формализация не представляет сама по себе ценности в лингвистических описаниях: «Если N есть имя или именная группа, а индексы этого N обозначают падежи, или Pron — местоимение, а Prt — предлог, то ясно, что это не формализация, а только стенография. Однако стенография текста есть чистая условность, не имеет никакого отношения к делу и ничего собой не формализует» [Лосев 1983: 118]. Но даже корректное использование приема формализации в лингвистическом описании не всегда приводит к экономной формулировке определенной закономерности в устройстве языка: «Математическое обозначение языкового факта не то чтобы решительно ничего в нем не обозначало, но обозначает в нем такую степень его общности, в которой уже теряется конкретность и специфика обозначаемого факта; а это значит, что математическое обозначение в данном случае ничего существенного не обозначает» [Там же: 16].

Лосев не отрицает, конечно, возможности использования математических методов в рамках структурной лингвистики, но утверждает, что эти методы могут помочь в описании языковой системы с точки зрения статического (синхронического) подхода, т.е. могут быть лишь составной частью лингвистической методики. Ведь язык, будучи сложным, диалектическим по своей природе образованием, необходимо исследовать самыми разными методами. Лосев утверждает: «Язык и речь представляют собою один из видов диалектического единства противоположностей, т.е. однородности и неоднородности, неизменности и изменчивости, неподвижности и подвижности, во время как количественные отношения всегда однородны, неизменны, неподвижны» [Там же: 11].

Таким образом, по мнению Лосева, математические методы могут использоваться лингвистами при описании языка как статического объекта для фиксации в виде формул отношений между языковыми единицами. Однако и в этом случае формализация языковой системы должна проводиться с учетом специфики языка как

особой семиотической системы, обслуживающей человеческую коммуникацию. Эта особенность языка накладывает ограничения на использование математических методов в лингвистических описаниях. В качестве подтверждающего примера можно привести приемы формализации, используемые знаменитым американским лингвистом Ноамом Хомским, который в работе «Синтаксические структуры»⁵ широко оперирует формулами, отражающими грамматическое (морфологическое) устройство предложений. Например, предложение *Искренность может испугать мальчика* Хомский предлагает представить в виде формулы $N-V-N$, где N обозначает имя или именную группу, а V — глагол. Однако такая формула должна допускать взаимную замену элементов, т.е. предполагать возможность перестановки двух имен (N_1 и N_2), в результате чего появляется невозможная для языка структура *Мальчик может испугать искренность*. В реальном языке говорящий учитывает множество самых разных семантических оттенков употребляемых слов, что приводит к ограничениям использования отдельных элементов в формальных структурах. Хомский приходит к выводу, что формальные схемы должны быть дополнены характеристиками входящих в предложение лексем — в нашем примере это характеристика по одушевленности/неодушевленности, ведь если мальчик (одушевленное существительное) может испугаться, то искренность (абстрактное неодушевленное существительное) — нет. Таким образом, Хомский убеждается в невозможности формализовать синтаксис и описать его вне всякой связи с семантикой; по его мнению, пытаться сделать это — все равно, что строить здание на песке, ведь синтаксис (как и любой другой уровень языковой системы) пронизан

⁵ Работа Н. Хомского «Синтаксические структуры» (Syntactic Structures) вышла в 1957 г. Русский перевод был опубликован в 1962 г. в сборнике «Новое в лингвистике» (Вып. II). Именно в этой работе Хомский впервые утверждает автономность синтаксиса в языковой системе и предпринимает попытку выявления законов устройства и преобразования синтаксических структур. В дальнейшем Хомский убеждается в невозможности описания синтаксиса без учета семантики — эта новая точка зрения автора отражена в работе «Аспекты теории синтаксиса» (Aspects of the Theory of Syntax) (1965).

семантикой, теснейшим образом с ней связан и зависит от нее [Хомский 1972: 60–62]. В работе «Семантика языка и его структуральное изучение» А.Ф. Лосев утверждает: «Большой формализм грамматического анализа отнюдь не означает отсутствие вообще всякой семантики и семантических отношений в области грамматики. Грамматика определяет семантику, которая без нее была бы слишком общей и, может быть, даже просто предметной и внеязыковой. Но как раз это и значит, что грамматический момент тоже входит в семантику, являясь только, может быть, более общим ее очертанием» [Лосев 1983: 218].

Именно в силу своей абстрактной природы грамматика структурируется и формализуется лучше лексики, именно синтаксические структуры и морфологические модели оказались наиболее формализованы в структуралистских лингвистических описаниях.

Лексическая семантика оказывается трудно формализуемой областью, поскольку значение слова определяется коммуникативной ситуацией в целом. «Почему так часто бывает, что имея самый совершенный словарь, мы прекрасно понимаем каждое слово, входящее в данную фразу, и никак не можем перевести всей фразы в целом? Это только потому, что смысловое расстояние между двумя значениями одного и того же слова настолько мало и незначительно, что никакой словарь не может охватить всех этих оттенков. Чтобы охватить все эти оттенки, нужно, кроме словаря данного языка, иметь еще опыт обращения с данным языком. А опыт-то как раз и возникает не из изучения словарей, но из использования самих языков, которое только и может подсказать ту или другую семантическую разницу в значении слова в разных контекстах» [Там же: 105–106].

Именно выполнение языком коммуникативной функции способствует постоянно и бесконечному варьированию семантики любого слова, при чем изменение значения одного слова неизбежно влечет за собой сдвиг семантических границ между близкими по значению словами, что приводит к изменению всей лексической системы (или ее фрагмента), ибо «словарь..., как известно, представляет собой тесно переплетенную систему. Система эта постоянно находится *in fieri* («в становлении»), никогда не *in esse* («в бытии»)» [Там же: 105]. Динамика лексической системы,

зависимость семантики от дискурса, субъективизм в трактовке значений слов мешают формализации языкового описания и использованию математических методов, ведь «бесконечная смысловая заряженность каждого языкового элемента является подлинной спецификой языка, и только здесь неподвижное “основное” значение слова... становится живой и подлинной динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке» [Там же: 141].

Семантика плохо структурируется и поддается формализации еще и потому, что на выражение значения «работает» каждый элемент языка, семантика «разлита» в области фонетики («фонематическая» и «силлабическая сигнификация» у Лосева) и морфологии («этимологическая» и «аффиксальная сигнификация»). О лексической и синтаксической сигнификации в работе «О первичных типах языковой сигнификации» речь не идет, так как Лосев ограничивается рассмотрением «первичных», т.е. простейших ее типов.

Фонематическую сигнификацию Лосев четко противопоставляет фонетической. Человеческая речь состоит не просто из звуков, но из звуков, получающих особую — сигнификативную — функцию⁶. Такие звуковые единицы в лингвистике традиционно называются фонемами. Подчеркивая отличие фонетической репрезентации от фонематической сигнификации, Лосев пишет: «Особенно заметно сигнификативное функционирование фонемы в тех случаях, где она фонетически даже совсем никак не выражена, где она фонетически является просто нулем. Ведь когда мы говорим *...лестный отзыв*, то в обыкновенной речи мы совсем не произносим того

⁶ Лосев приводит интересные примеры несответствия фонетической и фонемной репрезентации. Например, когда он слышит: *Здрст, Ассей Федч*, то, несмотря на отличия реально звучания от фонемного состава фразы-ответствия, коммуникация проходит успешно, так как «живая речь есть, во-первых, сплошное и неразличимое становление, а во-вторых, нечто вполне различимое и раздельное, нечто осмысленное и даже коммуникативно-значимое... После этого я уже не знаю, как может наша наука о языке в учении о фонеме... обойтись без диалектического самооткровенного различия или самодвижного покоя. Без этого элементарнейшего требования диалектики нечего и думать конструировать ясную и понятную категорию фонемы» [Там же: 160–161].

звука *m*, который здесь пишется. Мы говорим *лесный отзыв*. Куда же делось здесь это *m*? Фонетически оно действительно исчезло. Но оно не исчезло фонематически, т.е. это *m* продолжает иметь здесь сигнификативное, т.е. смысловоразличительное значение...» [Лосев 1983: 156].

Под синлабической сигнификацией Лосев понимает способность слога передавать определенную семантику. В доказательство существования особого типа «слового значения» Лосев приводит пример:

...Звуковое сочетание *два* либо является слогом, либо входит в состав слога. Таковы латинское *duo* ... немецкое *zwei*, например, в слове *zwei*. Таково же несомненное слоговое значение этого *dv* в таких словах, как *дверь*, *двигать*, *двор*. Однако если мы это звуковое сочетание действительно свяжем с понятием слога, то тут же приходит нам на память масса других слов, где это *dv* вовсе не имеет никакого отношения к слогу, а является только внешним соединением звуков, относящихся к разным слогам. Возьмем такие русские слова, как *предвидеть*, *предвещать*, *предварять*... Всякому ясно, что это *dv* в данных словах не образует собою единого слога, а разделяется на такие звуки, которые относятся совсем к разным слогам. Звуковое сочетание *пред*, являясь в данных словах префиксом, уже по одному этому обладает своей собственной семантикой и есть результат своей собственной сигнификации... Но в таком случае спрашивается, чем же отличается *dv* как слоговое явление и *dv* как случайное совмещение разнокоренных слов. И ответ здесь может быть только один: семантика ни в каком случае не сводится на фонетику, потому что одно и то же фонетическое явление может обозначать семантически совсем разное, т.е. иметь значение, не имеющее ничего общего с глобальными звуками, на которых разыгрывается определенная роль семантики [Там же: 160–161].

Более сложные типы сигнификации относятся к значениям, передаваемым отдельными морфемами — корнями и аффиксами (соответственно, по терминологии Лосева, речь идет об этимологической и аффиксальной сигнификации). Этимологическая сигнификация — это следующий уровень внезвукового и несиллабического, а более сложно устроенного значения, передаваемого корнем слова:

Возьмем такие русские слова, как *мнение* или *мысль*. Корнем этих слов является звуковое сочетание *мн*, которое указывает уже не на звук *m*, и не на звук *n*, и не на их сочетание, но именно на область мнения, т.е. на область мышления, на область тех или иных функций разума

или сознания. Этот корень *мн*, лишенный всякого гласного звука и потому содержащий в себе нулевую огласовку, имеется и в других языках... Но этот корень может иметь и разные другие огласовки.

Такова, например, огласовка *мен*, которая отчетливо выступает в латинском слове *mens*, что значит тоже ум, разум и вообще разные состояния умственной деятельности. Сюда же относится и огласовка *мем*, — в латинском *memoria*, откуда и соответствующие слова в других языках.

Тот же самый корень фигурирует и в виде *мин*, как, например, в русских словах *упоминать*, *вспоминать*, *напомянуть*... Огласовку *ман* лингвисты находят в греческом *mania*, обозначающем одержимость какой-нибудь одной мыслью... Огласовку *мон* имеем в латинском *moneo* «увещаю», «убеждаю». Но отсюда и латинские: *monstro* «указываю», «показываю»; *monstrum* «знамение», «предзнаменование», «чудо», «чудовище»... Старославянское и русское *память* тоже имеет своим корнем *мен*, поскольку это *я*, входящее в русское слово, в старославянском обозначается с помощью юса малого, а этот юс малый как раз и обозначает носовое *e* [Там же: 165–166].

На каком основании можно объединять все эти разнообразно звучащие морфемы в один корень? Фонетика и синлабика оказывают слабую помощь, так как общей звуковой формы корень не имеет. Лосев утверждает, что произнести этот корень невозможно, можно произнести только различные его огласовки: «Корень слова есть такая внезвуковая и внеслоговая общность, которую потому-то и нельзя произнести, что она присутствует в каждом отдельном корне невидимо и неслышимо. Она есть вполне специфическая, именно, этимологическая сигнификация» [Там же: 167].

Основанием для объединения разнообразных звучаний в одну морфему является общность выражаемого значения, в данном примере указание на мышление, мнение, т.е. корень характеризуется специфической — этимологической — сигнификацией.

Сигнификативную функцию выполняют не только корни, но и аффиксы. Каждый аффикс, как морфема, обладающая сложно устроенным значением, передает особое значение или целый комплекс значений. Лосев приводит подробный «сигнификативный анализ префикса *про*»: «И в том префиксе, который мы исследовали сейчас, и во всяком другом типе сигнификации мы исследуем, прежде всего,

коммуникативную направленность всякой сигнификации, а вместе с тем также и ее значение — интерпретирующее, контекстуальное, позитивно-негативное и пропозициональное. При достаточно подробном исследовании всякого типа языковой сигнификации обнаруживается ее чисто жизненная направленность»⁷ [Лосев 1983: 177].

Таким образом, языковая сигнификация, т.е. способность элементов языка выражать определенное значение, «в самой яркой форме обнаружила действительность мысли как структурно-функционирующую картину бурлящей человеческой жизни в актах языковой коммуникации» [Там же: 177].

Рассуждая о типах языковой сигнификации, Лосев показывает, что значение целого не может быть сведено к сумме значения частей. О сигнификативной функции фонемы можно говорить только в составе более крупной единицы — морфемы и слова, силлабическая функция также устанавливается в более широком контексте, а этимологическая сигнификация (значение корня) и аффиксальная представляют собой уже тип сигнификации совершенно другого уровня,

⁷ И далее: «Какой-нибудь с виду мало значащий префикс встает перед нами как некоего рода живое существо, которое куда-нибудь стремится или не стремится, чего-то достигает и чего-то не достигает, на что-то нападает или претерпевает нападение со стороны, что-то возвеличивает, а что-то унижает, проникает как бы во внутренность предмета, пронизывает и охватывает этот предмет, выскакивает за пределы предмета, сохраняя с ним связь или стараясь эту связь порвать, порождает разные предметы и их уничтожает и, наконец, либо возвеличивает самого себя, либо боится самого себя, даже нападает на самого себя и кончает самоубийством.

На это могут сказать: да ведь это же просто ваша фантазия, а на самом деле ничего такого с префиксом не делается. Нет, это неверно. Если язык доподлинно является орудием жизненного общения людей, то и на самом этом орудии не могут не отражаться людские жизненные отношения. И это очень хорошо, что какой-нибудь малозначащий префикс вдруг зажил и загулял у нас как самое настоящее живое существо. И это не метафора, а так оно и есть... То живое существо, о котором мы сейчас говорим в связи с разумно жизненными функциями языковой сигнификации, — вот в данном случае та языковая структура, без которой действительно невозможно никакое семантическое исследование» [Там же: 178].

ведь разные фонетические огласовки корня не мешают говорящим воспринимать корень как абстрактную единицу, выражающую определенную семантику: «Всякое целое всегда представляет собою некоторого рода новое качество, которого не было в составляющих его отдельных контекстных частях. Диалектика целого и частей — вот в чем разгадка необычайной надфонетической значимости каждого отдельного отрезка речи» [Там же: 149].

Итак, А.Ф. Лосев утверждает, что в основе языка лежат не математически точные отношения между элементами языка, а своеобразная (свойственная только языку) **семантическая система**, направленная на выполнение коммуникативной функции. Сама природа этой системы, основанной на значении языковых единиц (а значение всегда переменчивая, субъективная категория), предполагает динамику и диалектику как основные принципы своего существования.

Контекстная обусловленность влияет и на употребление различных грамматических форм. В статье «О коммуникативном значении грамматических категорий» Лосев утверждает, что «каждое слово и каждая грамматическая категория семантически варьируется бесконечное число раз в зависимости от живого контекста речи» [Там же: 179]. По мнению ученого, в каждой грамматической категории тесно и причудливо переплелись логические функции, которые отражают объективную действительность, и коммуникативные, благодаря которым происходит субъективный выбор и интерпретация элементов отражаемой в высказывании действительности. Например, грамматическая категория времени предполагает отнесенность действия описываемого в предложении к плану будущего, настоящего или прошедшего относительно момента речи. На самом деле, как утверждает Лосев, «любая грамматическая форма... в предметном смысле, может иметь любое значение» [Там же: 185]. Например, мы употребляем форму прошедшего времени — *Плакали наши денежки, Пропала моя головушка* — хотя речь идет о предполагаемой финансовой потере в будущем. Или известный еще из древних языков *praesens historicum* — употребление формы настоящего времени для повествования о прошедших событиях: *Иду я вчера по улице...*

Несовпадение грамматического оформления категории и выражаемого ею значения Лосев подтверждает на многочисленных примерах, в частности:

Побудительные предложения... вовсе не те, которые обязательно выражают побуждение в буквальном и непосредственном смысле слова. Если бы это было так, то в поговорке «не в свои сани не садись» мы бы находили какое-то побуждение избегать чужие сани. На самом же деле ни о каких санях, ни о своих, ни о чужих, нет здесь и помину; и «не садись» — едва ли тут императив. Но во всяком случае это какая-то сложная модальность и очень сложный комплекс разного рода смысловых тенденций... В предложении *Приди он вовремя, он бы меня застал* глагол *приди* надо было бы всерьез считать императивом, в то время как об императиве, если иметь в виду сущность данного высказывания, здесь нет никакого намека, а глагол *приди* имеет лишь условное значение [Лосев 1983: 199–200].

Лосев анализирует формы падежей, времен, залогов и наклонений в классических языках (древнегреческом и латинском) и везде приходит к выводу, что «грамматические категории, дающие то или иное понимание действительности, служат для переламывания ее в самых разнообразных направлениях» [Там же: 211]. Говорящий использует слова и грамматические конструкции для передачи палитры самых разных смысловых оттенков, отражая реальную действительность, предлагая свое видение окружающего мира, а также интерпретируя картины объективной действительности вплоть до полного их искажения (Лосев неоднократно указывает на то, что язык используется человеком не только для истинного, но и для ложного представления действительности). Разнообразные значения реализуются в конкретной речи, поскольку язык как статичное образование (перечень грамматических форм и словарь) преобразуется в речи, приобретая динамику, свойственную вечно изменяющейся

действительности и человеческой жизни. Каждая языковая единица, с одной стороны, строго зафиксирована в языке, а с другой стороны, оживает в конкретной речи, существуя таким образом в диалектическом единстве языка и речи.

Как специалист в области классической философии и филологии, А.Ф. Лосев занимался древнегреческим и латинским, однако, как уже было сказано, тщательный анализ языковых фактов всегда подводил Лосева к их обобщению и философскому осмыслению, т.е. к построению теории языка, завершался теоретическим осмыслением, органично вписывающимся в круг обсуждаемых им проблем из области филологии, философии и культурологии: «История мифа и языка должна строиться так, чтобы каждый исторический период давал не картину во всей ее конкретности, но только систему царящих в ней отношений, т.е. структурно. И наконец... установленные исторические системы должны быть возводимы к системам все более и более общим, вплоть до предельного метамифа и метаязыка» [Там же: 117].

ЛИТЕРАТУРА

- Лосев А.Ф. Языковая структура: учеб. пособие. — М., 1983.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М., 1977.
Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. В.А. Звегинцева. — М., 1972.

REFERENCES

- Losev A.F. Yazykovaya struktura: uchebnoe posobie, Moscow, 1983.
Sossyur F. Kurs obshchei lingvistiki, in *Trudy po yazykoznaniiu*, Moscow, 1977.
Homskii N. Aspekty teorii sintaksisa / per. V.A. Zvegintseva, Moscow, 1972.